

Г. ЗАМЧАЛОВ

первый выгон

Б.
3.26.7
ГП

Государственное
Издательство
1929г.

Прод. 1953

18652

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОГО КНИЖИ
ДЕТГИЗА

П Е Р В Ы Й В Ы Г О Н

НА ЭТОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

3-266

I

— Гришка, Гришка! Ах ты, чтоб тебя. Спит-то, как убитый. Вставай!

Гришка проснулся и долго не мог понять, где он и зачем его будят.

Была еще ночь. Кругом него все было новое, чужое и совсем непохожее на то, как у них дома. Изба большая, на стене жестяная лампа, какой у них сроду и не было. В углу небольшая трубочка, а печи вовсе нет.

Вдобавок над ним склонилась какая-то старуха и тормошит его. Да еще смеется — страшно этак.

«Уж не ведьма ли?» — подумал он.

— Ты что глазенки-то таращишь, аль не проснулся еще. Вставай, итти надо.

— Куда итти?

— А на выгон-то — забыл уж? Теперь ведь ты подпаском у нас.

— Ты кто, Семкина бабушка?

— Ну да, бабушка, а то кто же.

— А я думал...

Тут уж Гришка сразу все вспомнил: как его мать наняла на все лето к Семкину отцу,

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Б
3.267 м

Егору телят пасти, и как вчера Семка пришел за ним, чтобы ночевать у них, а утром всем вместе итти на выгон.

Он вскочил на ноги и стал искать одежду. Вместо его рваных сапог рядом с ним лежали новенькие лапти с белыми онучами. Насчет другого старуха сейчас же обнадежила:

— Рубаху тебе новую справим, портки — гоголем будешь у нас ходить.

Со двора вошли Егор, Семка и дед. У всех у них было по кнуту, а у Семки за спиной еще висела сумка.

Гришке тоже дали кнут и сумку с хлебом. Немного обидно было, что кнут дали хоть и большой, но мочальный, у Егора кнут был ременный круглый, как уж. Но и тут Егор успокоил:

— Вот попасем немного, телята привыкнут, тогда вы одни будете пасти, с Семкой. Я тогда свой кнут отдам тебе.

Старуха принесла молока. Все сели, позавтракали. Потом дед встал, надел шапку и важно так сказал:

— Ну, в час добрый! — и пошел из избы. За ним пошли и все остальные.

II

Когда пришли на выгон, стало уже светать. На большой выгонной площади в разных местах кучами стояли бабы с козами, свиньями, телятами и овцами.

От непривычки и страха скотина выла, металась. Больше всех делали шум свиньи. Они визжали так, как будто их всех на убой привели. Поместили их почему-то посредине площади. Бабы стояли вокруг них кольцом, растопырив руки и ноги и подолами старались удержать всех в куче.

Большие свиньи еще ничего. Они хоть и визжали, но стояли на месте. А вот с поросятами никакого сладу не было. Они ухитрялись проскакивать у баб между ног. Прощмыгнет, согнется ежиком и бежать! Сам бежит, а сам, как на скрипке: уи-и-и, уи-и-и, уи-и-и. Баба за ним вприпрыжку:

— Куда те нечистый? Ах ты, леший, заразы на тебя нету...

Догонит, прутом отстегает, притащит на место, а он, глядишь, опять утек.

Телят поместили на краю, у кладбища. Их приперли к высокому плетню, а по другую сторону стали бабы — так, что им некуда было бежать.

Они тоже никак не могли свыкнуться с шумом, с новым местом и с тем, что их так много. Держались они как-то поврозь и будто стыдились друг дружку.

Каждый раз, как приводили нового теленка, он сначала останавливался и долго рассматривал толпу незнакомых, чужих телят. Потом начинал жалобно реветь и поворачивал назад.

Его пихали и били хворостиной, пока он не становился вместе с другими.

С богатых дворов пригоняли сразу штук по пяти, по десяти. Эти держались отдельными кучками, жались друг к другу, лизались.

Пастухов бабы встретили радостными криками, жалобами:

— Возьмите вы их от нас, христа ради. Все руки отмотали, окаянные.

Среди баб Гришка увидал свою мать. Она подошла к нему и спросила:

— Сыночек, поди озяб-то ты как?

Было свежо. У Гришки посинели руки. Коротыш на плече распоролся, и под него залезал холод.

— Нет, мама, я даже разденусь. А то жарко очень.

— Что ты, что ты, — перепугалась мать. — Какая тут жара. Разве можно? Долго ли простудиться.

Она еще плотнее запахнула полы коротыша. Потом оглянувшись, вынула какой-то сверточек и украдкой сунула ему в карман. Егор заметил это и тоже подошел.

— Тетка Марья, зачем это ты? Что у нас своего, что ли, не хватит? Небось, голодный не будет.

— Это я так, пирожок ему. Пускай посластится.

— Да ты никак плачешь?

— Ну, что это я буду плакать. Так, козьявка в глаз попала,

Гришка дождался, когда Егор ушел, и со злостью сказал:

— Уйди ты, мамка, отсюда. Тут дела: надо за телятами глядеть, а ты начнешь опять.

Мать поправила у него сзади сумку, еще раз одернула полы коротыша и отошла, а он побежал на другой конец стада.

Со всех концов прибывали все новые и новые телята. Иные шли сами — спокойно, понурив голову. Другие ревели и упирались. Их тащили силком или подталкивали сзади коленкой.

Теперь, когда стало совсем светло, вместе с бабами телят пригоняли девчата и мальчишки. Среди них Гришка уже заметил двух — трех своих товарищей. Он старался не глядеть на них и важно расхаживал взад-вперед с длинным кнутом через плечо.

Один теленок вырвался у бабы, отбежал немного и стал, не зная — что же ему делать дальше? Егор велел поймать его. Но когда Гришка стал подходить к нему, он вдруг выиграл: покрутил головой, вскинул вверх задние ноги, а потом изогнулся боком и — легонько этак, как на пружине, скок в сторону.

Гришка пустился бегом, теленок тоже прибавил ходу. На перерез ему откуда-то выскочил Серега, самый лучший Гришкин товарищ. Но Гришка закричал на него:

— Не трогай, я сам.

Однако самому ему пришлось помучиться. Теленок оказался до того шустрым на ноги, что к нему никак нельзя было подойти. Толь-

ко уж у самой церкви удалось загнать его в угол и поймать. Гришка обмотал вокруг его шеи кнут и поволол обратно на площадь.

Там уже остались только козы да телята. Телят набралось большущее стадо, они растянулись вдоль всего кладбища. Егор подошел немного — не приведут ли еще, потом громко, на всю площадь крикнул:

— Тро-о-гай!

И стадо двинулось узким проходом между гумен в поле. Бабы пошли проводить его до околицы, чтобы помочь пастухам выгнать из села.

Гришка видел, что мать его тоже пошла. Он делал вид, что не замечает ее, а сам думал:

«И чего надо человеку, неизвестно. Делать, что ли нечего? Только мешает.»

III

Проход был отгорожен от гумен стареньким плетнем. Гришку с Семкой послали в самые, говорят, боевые места: по бокам, смотреть, чтобы телята не убежали на гумна. Им сначала смешно показалось: чего же там трудного! Подойдут к дыре, ну, взял да и отогнал. На то и кнуты даны длинные.

На деле вышло совсем не так. Телята, как только находили в плетне дыру, бросались в нее кучей, застревали, давили друг друга. Которые протискивались, те норовили через

гумно удрать дальше. Надо было бежать им наперерез, заворачивать. А там, не успеешь завернуть этих, на другом конце, глядишь, нашлась новая дыра.

Гришка носился по гумнам, перескакивал через плетни, кричал, размахивал кнутом. Рубаха у него замокла. Сумка с хлебом неловко болталась и била по спине. Сильно захотелось пить, но баклажка с водой была у Егора, а он шел далеко сзади. Некогда было добежать к нему.

Семка на своем боку не доглядел и упустил сразу штук десять. К нему на помощь побежали бабы. Вместе с ними он насилу завернул и пригнал телят обратно. Егор увидал это и закричал на него:

— Я вот те рот-то разину, сопляк; не выспался?

«Хоть бы у меня не убежали» — подумал Гришка и еще усерднее стал носиться из конца в конец.

Проход кончился. Осталось позади последнее гумно с кривой ригой и кучей гнилого черного сена. Телята вышли на свежую траву и остановились. Большие принялись щипать ее, а малыши, глядя на них, тоже затихли. Гришка взял у Егора баклажку и долго не мог от нее оторваться — так у него пересохло горло.

Бабы стали расходиться. Гришка, чтобы не прощаться с матерью, убежал в самый далекий

конец стада и спрятался за телят. Оттуда ему видно было, как мать искала его глазами, оглядывалась и ждала. Потом она повернулась и тихонько пошла домой.

Из-за черной полосы леса взошло большое солнце, и стало от него светло и весело. Потные полосы на щеках у Гришки высохли. Он смотрел на телят и удивлялся. Только что они были, как бешеные собаки — упрямые и беспонятные. А теперь едят себе траву и смирененько похаживают почти на одном месте.

Недалеко от Гришки стоял и облизывался розовым, еще молочным языком маленький бычок — красный, на лбу лысина. Шерсть у него была мягкая, пушистая. От языка на ней остались лощеные взлизы.

Гришка взгляделся и узнал в нем теленка, которого ловил на площади. Сейчас он тоже был непохож на себя: такой маленький, беспомощный. Даже не верилось, что он мог так сильно бегать.

Гришке захотелось сделать ему что-нибудь хорошее. Он вынул из сумки кусок ржаного хлеба и поманил его. Бычок обернулся, посмотрел, даже потянулся вперед мордой, но подойти не решился. Гришка еще ласковее принялся уговаривать его и попробовал сам подойти. Бычок попятился назад.

— Огрею вот кнутом, так будешь знать, — ссерчал Гришка. — Тебе добра хотят, а ты нос воротишь.

Но тут ему пришло в голову начать по-новому. Он сложил руки трубой, приставил ко рту, надулся изо всех сил и рывкнул по-коровьему: ммо - а - а!

Теленок насторожился, поднял уши, потом стал часто-часто облизываться и чего-то искать глазами — должно быть, мать. И не заметил, как Гришка подошел к нему и начал осторожно поглаживать по спине. Он даже сам прижался к Гришкиному животу и закрыл глаза. Немного погодя, он тихонько, как будто во сне, промычал: „м - му - у“ и поддал Гришке головой под живот.

Гришку разбирал смех, но он боялся засмеяться громко, чтобы не отпугнуть теленка. Он ласково гладил его и совсем забыл, что на свете существуют еще другие телята, целое стадо, и что за ними надо смотреть.

Где-то далеко он слышал какие-то крики, потом тяжелые, быстрые шаги. Вот как будто его позвали. А, может, это так, показалось. Вдруг почти рядом с ним Егор закричал:

— Гришка, Гришка! Ах ты, шут те возьми, заснул, что ли? Телята бегут, гнать надо, а ты спишь.

— Я не сплю. Тут вот бычок один...

— Да что бычок! Беги вон скорее, заворачивай.

Гришка побежал, прилаживая на ходу сумку, а бычка Егор сильно ударил кнутом. Он жалобно заревел и побежал к стаду.

Телят, чтобы они не чуяли дома, угнали далеко в поле. Здесь они сперва было принялись есть траву, но потом бросили и опять забегали, заматались, как бешеные. По одному, по два и целыми кучами отделялись они от стада и бежали, непонятно куда и зачем.

Гришка с Семкой опять что было мочи бегали, кричали, заворачивали. Им доставалось больше всех. Старшие хоть и бегали тоже, но не так. Они все время держались около стада. А куда подальше — посылали маленьких.

Незаметно для себя, без всякой науки, Гришка начал, как старый заправский пастух, „разговаривать“ со скотиной.

— Куда, куда? Ишь тебе нейдется добром-то, — говорил он, если теленок сворачивал в сторону. Если же телята успевали отбежать далеко, он гнался за ними и на бегу кричал не своим голосом:

— Куда вас дьявол?! Сто-ой, проклятые, сдохнуть бы вам на месте.

День показался ему длинным - длинным — годом целым. С утра, пока еще не устал, он мог иногда смеяться:

— Как куча гороха, — сказал он раз Семке. — На одном боку подберешь, с другого сыплется.

Но уж к обеду он так устал, что совсем не мог думать. Головы у него будто не было.

Ноги сами собой носились по полю и заворачивали. Вначале ему хотелось есть, и он часто поглядывал на солнце — скоро ли обед. Потом и это прошло. Когда его позвали обедать он сказал, что не хочет. Егор подошел к нему, спросил:

— Что, запарился?

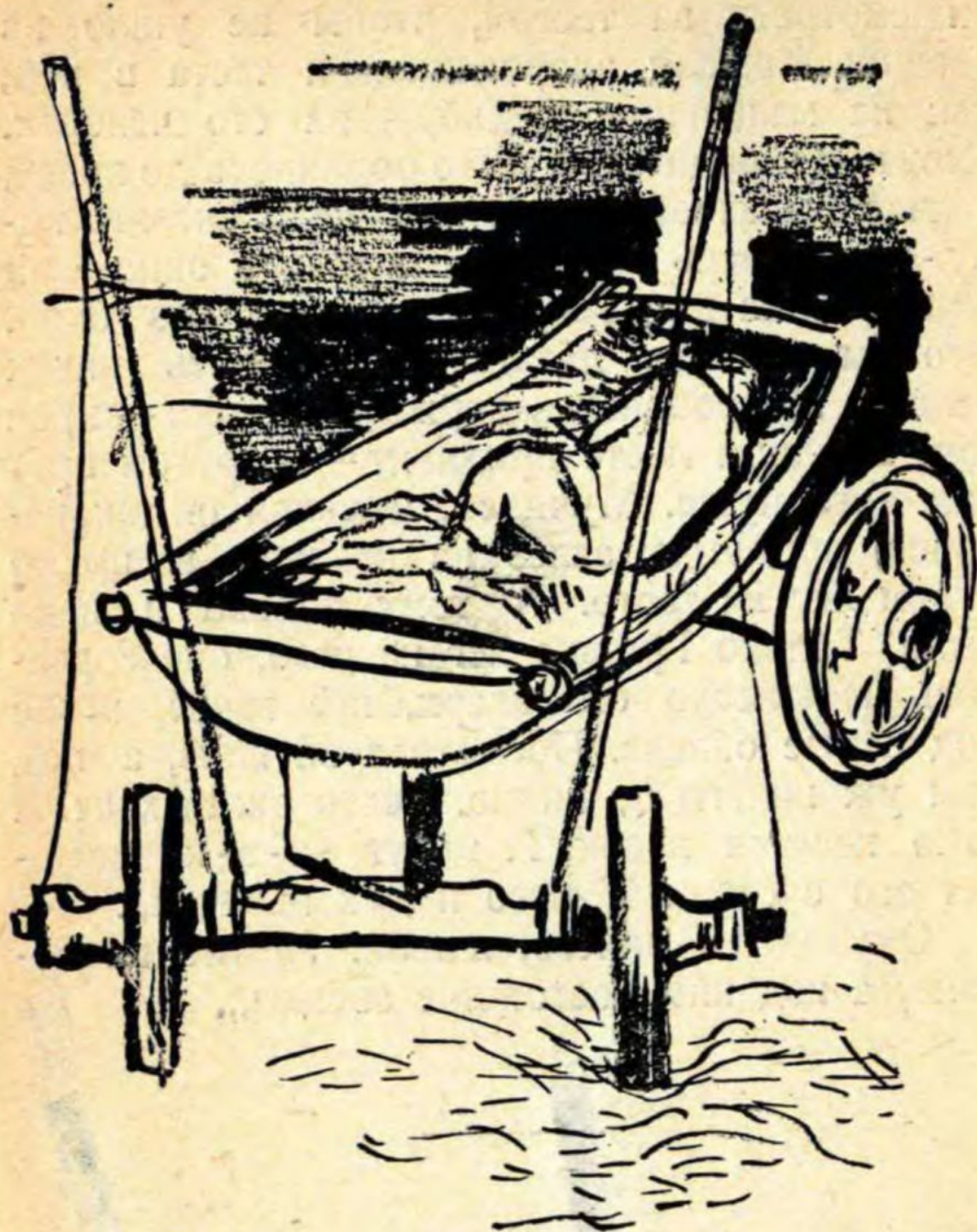
— Нет, ничего. Только в ногах больно шумит, а так ничего.

— Какой там ничего. Я вот поменьше тебя бегал, да и то чуть язык не высунул. Ну это они спервачка так балуют, а потом перестанут. Тогда легче будет.

Вечером, когда уже гнали домой, Гришка еле-еле передвигал ноги. Голос у него охрип, лицо было покрыто пылью, на щеках затвердели черные полосы пыли и пота. Он шел за стадом и думал, что хорошо бы вон там, в сторонке, лечь на траву и заснуть.

Наконец, телят пригнали в село. Прошли с ними с одного конца до другого, пока их не разобрали бабы — и вернулись домой. Гришка увидел во дворе телегу с соломой, залез на нее и прямо в одежде повалился спать. Только сумку снял. Он забыл даже, что в кармане у него, с утра еще, лежит материн пирог. Пирог был хороший, вкусный, с капустой и с яйцами. Теперь он раздавился и вымазал карман, но Гришка не почувствовал этого.

Старуха хватилась его, нашла в телеге и стала будить, звать ужинать. Он открыл глаза,

хотел вспомнить, где он видел эту старуху, и уснул окончательно.

Под утро ему приснился сон. Его поставили смотреть за тестом, чтобы не ушло из квашни. Квашня здоровенная и теста в ней, как на маланьину свадьбу — на сто человек. Стоит он и видит, что тесто поднялось до краев, сейчас вываливаться начнет. Надо сказать кому-то, а дверь заперта. Кинулся в окно — ни одного окна нет. Изба большая, а без окон. Что ты будешь делать? А упустить никак нельзя. Попробовал задержать руками — куда там! В одном месте придавит — в другом прет еще того пуще. Мучился, мучился он так, наконец, придумал: залез на квашню и прямо пузом лег на тесто. А тому только и надо было. Только Гришка лег на него, оно сорвалось и понесло его вверх, все выше, выше под самые облака. Посмотрел он вниз, а под ним уж ничего не видно. Тесто аж пыхтит, а само несется вверх. И вдруг ка-а-к швырнет его с себя... У него и дух вылетел...

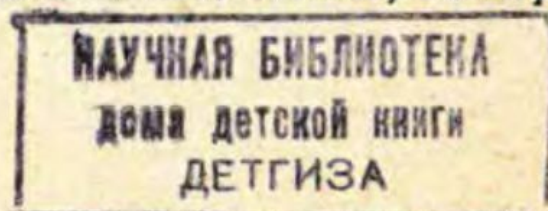
Очухался — ничего, живой. Лежит на соломе, а над ним настоящие звезды...

Главлит А 40680.

ГНЗ № 31949.

Тираж 50.000 экз.

6-я типо-лит. Транспечати НКПС. Москва, Б. Переяславская, 46.

Кресовичевы
Кубин
Дер-на-ру
и
Сгадо
Дер-Врумен

1000

7 коп.

35279

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

рисунки
А. Лаптева